ИИЗ
Г413

МАКСЪ ГИРШЪ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ГУМБОЛЬДТОВСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ БЕРЛИНѢ.

НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

ИХЪ ЗАДАЧИ, ОРГАНИЗАЦІЯ, РАЗВИТІЕ, ПРОПАГАНДА.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Н. Сперанскій.

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. И С. САБАШНИКОВЫХЪ
1907

Изданія М. и С. Сабашниковыхъ.

Киммингсъ. Химія жизни и здоровья. Пер. В. Тимофеева. Ц. 85 к.

Мюръ. Химія огня. Пер. В. Тимофеева. Ц. 85 к.

Нернстъ и Шенфлисъ. Основанія высшей математики. Краткій учебникъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія въ приложеніи къ области естествознанія. Пер. М. Дукельскаго подъ ред. В. Тимофеева и А. Грузинцева. Ц. 2 р. 25 к.

Оствальдъ. Основанія теоретической химіи. Пер. Ѳ. Корбе. Ц. 2 р. 50 к.

Остъ. Учебникъ химической технологіи. Пер. подъ ред. проф. В. Тимофеева. Отдѣлъ технологіи сельско-хоз. продуктовъ переработанъ проф. И. Красускимъ, отдѣлъ металлургіи—проф. В. Ижевскимъ. Ц. 4 р. 85 к.

Рамсей. Краткій учебникъ неорганической и физической химіи. Пер. А. Сперанскаго. Ц. 1 р. 25 к.

Столѣтовъ. Общедоступныя лекціи и рѣчи. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, сост. проф. К. А. Тимирязевымъ. Ц. 1 р. 25 к.

Беджготъ. Государственный строй Англіи. Пер. подъ ред. Н. Никольскаго. Ц. 1 р. 60 к.

Боржо. Учрежденіе и пересмотръ конституцій. Пер. подъ ред. Ѳ. Кокошкина. Выпускъ I. Ц. 70 к.

Бреаль. Древніе языки въ среднемъ образованіи. Пер. Н Сперанскаго. Ц. 75 к.

Бѣлинскій. Семь статей. Юбилейное изд. Ц. 1 р.

Велецкій. Земская статистика. Исторія, методологія. программы. Съ предисловіемъ проф. А. И. Чупрова. Ц. 7 р.

Гильдебрандъ. О преподаваніи родного языка въ школѣ и о національномъ воспитаніи и образованіи. Пер. В. Е. Якушкина. Ц. 1 р.

МАКСЪ ГИРШЪ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ГУМБОЛЬДТОВСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ БЕРЛИНѢ.

НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

ИХЪ ЗАДАЧИ, ОРГАНИЗАЦІЯ, РАЗВИТІЕ, ПРОПАГАНДА.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Н. Сперанскій.

МОСКВА

ИЗДАНІЕ М. И С. САБАШНИКОВЫХЪ

1907

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ИК5
Г413 Р

ИЛ

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при Ц.К.С.К.П.(б)

274
35
30557 У

Типографія О-ва распр. полезн. книгъ, аренд. В. И. Вороновымъ.
Моховая, противъ Манежа, домъ кн. Гагарина.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Десятокъ лѣтъ тому назадъ понятіе и слово «народные университеты» были въ Германіи почти что неизвѣстны, хотя соотвѣтственныя учрежденія кое-гдѣ у насъ уже существовали. Сейчасъ слово это у насъ въ большомъ ходу; но не всегда съ нимъ связывается отчетливое понятіе; всего же рѣже встрѣчаются попытки перейти отъ слова къ дѣлу. Въ странѣ мыслителей—почетное названіе, которое все-же по праву принадлежитъ намъ, хотя и не однимъ намъ,—въ имперіи съ 57-милліоннымъ населеніемъ едва насчитывается 15 народныхъ университетовъ. Ихъ можно встрѣтить лишь въ очень крупныхъ или же въ университетскихъ городахъ. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что даже при современныхъ условіяхъ подобныя учрежденія доступны для всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ городскихъ центровъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно бросить взглядъ на нѣкоторые иностранные примѣры. И ясно, что если только

мы серьезно хотимъ пріобщить массы къ современному умственному движенію, то мы должны снабдить университетами для народа, по крайней мѣрѣ, хоть большинство изъ нашихъ городовъ.

Ради содѣйствія такимъ стремленіямъ и появляется въ свѣтъ предлагаемая брошюра. Въ ея основѣ лежитъ докладъ, сдѣланный мною на XXVII съѣздѣ Общества для распространенія народнаго образованія (въ Галле) и принятый тамъ съ живымъ сочувствіемъ. При переработкѣ его мною были включены существеннѣйшіе новые факты изъ этой области, а также освѣжены статистическія данныя. Цѣль очерка — дать всѣмъ, кто принимаетъ къ сердцу интересы образованія, ясное представленіе о задачѣ народныхъ университетовъ, о формахъ, въ какія они отлились по различнымъ странамъ, и о ходѣ ихъ современнаго развитія; въ концѣ же я предлагаю нѣсколько совѣтовъ практическаго характера касательно того, какъ можемъ мы содѣйствовать дальнѣйшему ихъ преуспѣянію.

Съ 1863 года, когда я принятъ былъ въ составъ преподавателей Большого Берлинскаго ремесленнаго союза, я непрерывно работалъ въ области народнаго образованія теоретически и практически, въ Берлинѣ и въ провинціи, причемъ цѣлыхъ 23 года я велъ дѣла перваго и крупнѣйшаго изъ нѣмецкихъ народныхъ университетовъ; это и позволяетъ мнѣ надѣяться, что на мои, изъ опыта почерпнутые, указанія и совѣты могутъ отклик-

нуться очень широкіе круги. Если такъ будетъ, то я всегда буду къ услугамъ тѣхъ, кто пожелаетъ получить отъ меня добавочныя данныя и разъясненія. Зато и я съ своей стороны убѣдительно прошу всѣхъ учредителей и руководителей народныхъ университетовъ по всей имперіи присылать мнѣ свои уставы, программы и отчеты, чтобы я могъ постоянно оставаться въ курсѣ дѣла и отмѣчать, чему насъ жизнь здѣсь учитъ.

Максъ Гиршъ.

Берлинъ
19 ноября 1901 г.

I.

Очеркъ того новаго образовательнаго учрежденія, которому посвящаются эти страницы, вполнѣ умѣстно будетъ начать съ бѣглаго взгляда на общій ходъ развитія образованія въ средѣ нашего народа. Ибо вопросъ о народныхъ университетахъ можетъ быть правильно поставленъ и разрѣшенъ лишь въ связи со всѣмъ строемъ народнаго образованія, старинное зданіе котораго должны собою увѣнчать эти высшія школы для народа. Много сомнѣній и много споровъ возникало и обострялось именно потому, что эта внутренняя связь оставлялась безъ должнаго вниманія.

Уже съ очень давнихъ поръ у насъ вошло въ обычай, скрѣпленный и прямыми предписаніями, что каждый, кто избираетъ для себя ученую профессію, долженъ пройти три крупныя образовательныя ступени, требующія нормально всего времени до полной возмужалости, — начальную или приготовительную школу, гимназію и университетъ. Но столь же естественнымъ казалось лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, что для людей, готовящихся къ высшимъ промышленнымъ профессіямъ, довольно первыхъ двухъ ступеней, для подавляющаго же большинства населенія довольно одной первой — начальной школы. Для

этого большинства всякое правильное обученіе кончалось вмѣстѣ съ дѣтствомъ — на 13-мъ или на 14-мъ году. Въ особо благопріятныхъ случаяхъ сюда накидывалось года два чисто практическаго, ремесленнаго преподаванія; въ общемъ же все слагалось такъ, что человѣку не удавалось какъ слѣдуетъ сохранить для жизни даже тѣхъ скудныхъ крохъ образованія, которыя онъ выносилъ изъ начальной школы.

Такъ дѣло оставаться не могло, и уже въ 40-ыхъ годахъ, подъ напоромъ стремленія массъ къ развитію, здѣсь сдѣланъ былъ первый шагъ впередъ. То было основаніе по большей части коммунальныхъ «дополнительныхъ школъ» (Fortbildungsschulen) для подростковъ, кончившихъ курсъ начальной школы, наряду съ чѣмъ по частному почину начало возникать и очень успѣшно развиваться множество ремесленныхъ, рабочихъ и иныхъ образовательныхъ союзовъ. Насколько важны оба эти типа просвѣтительныхъ учрежденій,—объ этомъ такъ много и такъ краснорѣчиво говорилось, что мнѣ нѣтъ уже надобности на этотъ счетъ распространяться. Замѣчу лишь, что бой за «дополнительныя школы» еще не оконченъ. Надо еще стремиться, чтобы сѣть ихъ раскинулась какъ можно шире, и чтобы онѣ выработались въ настоящія средне-учебныя заведенія для народа — до чего имъ сейчасъ, хотя бы въ крупнѣйшемъ изъ нѣмецкихъ государствъ, очень еще далеко. Что касается образовательныхъ кружковъ, то они, къ сожалѣнію, успѣли утратить въ значительной мѣрѣ прежнюю свою притягательную силу, особенно для рабочей массы, причемъ, однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что разныя другія ассоціаціи, какъ,

напримѣръ, новѣйшія формы профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, теперь нерѣдко сами преслѣдуютъ и образовательныя цѣли.

Послѣ того, какъ такимъ путемъ — отчасти въ видѣ реальныхъ училищъ, отчасти въ видѣ дополнительныхъ и профессіональныхъ школъ, отчасти въ болѣе свободномъ видѣ различныхъ образовательныхъ союзовъ съ участіемъ взрослыхъ — и для рабочей молодежи устроена была средняя школа, дало о себѣ знать и дальнѣйшее поступательное движеніе — былъ поднятъ знаменательный вопросъ о высшей ступени народнаго образованія, о созданіи высшей школы для народа.

Въ корнѣ здѣсь дѣло обусловливается самою сущностью образованія. Стоитъ пробудиться жаждѣ знанія, стоитъ проснуться стремленію къ истинѣ — и человѣкъ, естественно, неудержимо порывается впередъ, въ ширь, въ глубь, въ высь. Во всякомъ человѣкѣ, тронутомъ волшебнымъ жезломъ современнаго образованія, особенно же въ каждомъ нѣмцѣ, тлѣетъ хоть искра Фаустовскаго пламени — страстнаго желанія

Dass ich erkenne, was die Welt
Im innersten zusammenhält,
Schau' alle Wirkenskraft und Samen
Und thu' nicht mehr in Worten kramen.

Такого стремленія, такого желанія, конечно, неспособны удовлетворить «дополнительныя школы» — въ силу хотя бы одной незрѣлости ихъ посѣтителей. И пестрыя отдѣльныя чтенія въ образовательныхъ кружкахъ могутъ, положимъ, будить мысль, могутъ проливать свѣтъ на нѣкоторые вопросы, могутъ открывать въ разныхъ областяхъ неожиданныя

перспективы, могутъ возвышать душу и облагороживать умъ: но внутренней связи явленій, ихъ болѣе глубокихъ причинъ, ихъ историческаго развитія и ихъ закономѣрности – всего этого на нихъ не раскроешь, особенно, когда приходится обращаться къ слушателямъ, не получившимъ строгой умственной дисциплины. Такія чтенія даютъ отдѣльные куски, не слагая ихъ въ цѣлое; они поучительны, но не вводятъ въ науку. Науку не схватишь сразу, въ какомъ бы блестящемъ изложеніи она ни представлялась. Она дается только цѣною настойчиваго планомѣрнаго труда, для нея надобно правильно воспитывать умъ на рядѣ связныхъ, систематизированныхъ лекцій, ведущихъ къ цѣли шагъ за шагомъ. Да тутъ не обойдешься притомъ однимъ рядомъ подобныхъ лекцій. Въ виду богатства и разнообразія царства науки, тутъ надобенъ подборъ нѣсколькихъ курсовъ, которые охватывали бы съ методической послѣдовательностью главныя области научнаго вѣдѣнія и, проливая другъ на друга свѣтъ, объединялись бы въ цѣльную картину.

Правильныя учебныя учрежденія, предлагающія систематически подобранные, связные ряды лекцій по главнымъ отдѣламъ науки для всѣхъ, въ комъ пробудились серьезные умственные запросы,—это и есть народные университеты, вѣнецъ всего свободнаго народнаго образованія, твореніе, которымъ должно навѣки прославить себя наше время.

Соперницей народныхъ университетовъ можетъ считаться лишь одна старшая ихъ сестра—научно-популярная литература. Кто станетъ отрицать ея

важность или оспаривать ея великія заслуги въ дѣлѣ народнаго образованія? У насъ и за границей литература эта обладаетъ множествомъ выдающихся произведеній, нерѣдко образцовыхъ и по содержанію, и по методу, и по формѣ. Но при всѣхъ достоинствахъ этому образовательному средству не хватаетъ той свѣжести, той живости, той задушевности, той способности увлекать за собой и толкать впередъ, какими обладаетъ устное преподаваніе. Это послѣднее имѣетъ, далѣе, то неоцѣненное преимущество, что оно можетъ приспособляться къ уровню развитія, къ потребностямъ и вкусамъ каждаго даннаго круга слушателей и допускаетъ духовную связь преподавателя съ его учениками, тогда какъ отъ учебниковъ вѣетъ неподвижностью и шаблономъ. Къ преимуществамъ устнаго преподаванія относится, далѣе, возможность пользоваться наглядными пособіями, возможность спрашивать слушателей и обсуждать съ ними затронутые въ лекціяхъ вопросы и т. под. Особенно же высоко приходится здѣсь ставить — хоть, правда, и не всегда — подкупающее и воодушевляющее вліяніе личности преподавателя. Зато учебникъ, съ своей стороны, беретъ законченностью, цѣльностью, и притомъ онъ всегда можетъ оставаться подъ-рукою. Но чтобы воспользоваться этими выгодами, народнымъ университетамъ довольно дополнять живое слово указаніями на соотвѣтственную литературу и облегчать ея доступность для пользованія слушателей. Такъ это въ нихъ и дѣлается и должно дѣлаться, ибо при этомъ счастливо сочетаются сильныя стороны обоихъ способовъ занятія наукой.

Но если уже индивидуальная жажда знанія, индивидуальное стремленіе къ усовершенствова-

нію личности ведетъ къ заботамъ объ общедоступности высшаго образованія, то соціальное развитіе въ его важнѣйшихъ областяхъ не менѣе настоятельно, не менѣе повелительно толкаетъ насъ на тотъ же путь. На болѣе раннихъ культурныхъ ступеняхъ, которыя, при всемъ своемъ различіи, сходились въ томъ, что подчиняли и мышленіе, и жизнь авторитету, высшее образованіе могло и даже должно было оставаться принадлежностью правящаго меньшинства. Долгомъ и добродѣтелью массъ считалось слѣпое повиновеніе,—а для него свободная научная бесѣда не надобна и даже пагубна. Мы первые живемъ въ великую эпоху, когда независимость мысли и дѣйствій, въ принципѣ провозглашенная уже раньше, но остававшаяся доселѣ фактически удѣломъ тѣснаго круга лицъ, становится серьезнымъ требованіемъ всѣхъ классовъ общества и притомъ одинаково со стороны того и другого пола. Само по себѣ это отнюдь не ведетъ къ отрицанію религіозной вѣры и общественнаго порядка; но отнынѣ и вѣра, и порядокъ должны покоиться не на внѣшнемъ, чужомъ авторитетѣ, а на собственномъ убѣжденіи, добытомъ путемъ самостоятельнаго исканія истины, а для этого нельзя обойтись безъ науки съ ея возвышенной конечной цѣлью — дать людямъ обоснованное логически и исторически, строго послѣдовательное міросозерцаніе. Самое глубокое противорѣчіе и величайшая опасность нашего времени не только для внѣшней прочности государствъ, но и для драгоцѣннѣйшихъ нравственныхъ и умственныхъ благъ заключается въ томъ, что вѣра въ авторитеты и санкціонируемая церковью мораль у насъ исчезаютъ, не замѣняясь новымъ фундаментомъ, который можетъ быть

заложенъ лишь путемъ превращенія науки въ общее достояніе. Отсюда непримиримыя противоположности возвращенія къ строжайшей церковности и крайняго, граничащаго съ анархіей, матеріализма; отсюда всѣ эти тревожныя явленія распущенности и изломанности, которыя не такъ давно принято было обозначать постыднымъ терминомъ Fin de siècle. Кто возьмется предсказывать, къ чему съ отдѣльныхъ своихъ сторонъ приведетъ дальнѣйшее развитіе науки? Но въ цѣломъ нельзя же не признавать, что изслѣдованіе правильности, закономѣрности и внутренней связи явленій въ своихъ итогахъ никоимъ образомъ не можетъ приводить къ развязному отрицанію нравственныхъ и государственныхъ законовъ.

Необходимость распространять истинную науку во всѣхъ слояхъ народа вызывается, далѣе, тѣми глубокими измѣненіями, которыя претерпѣваетъ все усложняющійся строй экономически-соціальныхъ и политическихъ отношеній. Изъ узкаго русла медленно двигавшейся ремесленно-земледѣльческой культуры современное человѣчество попало на бурныя волны океана крупно-капиталистическаго производства и міровой торговли. Со старыми вѣхами тутъ ужъ не обойдешься: чтобы плыть, тутъ надобенъ компасъ широко разлитаго научнаго познанія.

Дѣйствительно, что бы мы ни взяли въ сферѣ культурныхъ отношеній, все намъ указываетъ одну дорогу къ прогрессу и единству. Національные успѣхи Германіи больше всего содѣйствовали, какъ извѣстно, основанію въ 1871 году Общества для распространенія народнаго образованія. «Разъ первое законодательное собраніе въ Германіи выходитъ изъ

всеобщихъ и прямыхъ выборовъ,—такъ говорилось тогда въ воззваніи,—то вопросъ о свободѣ превращается въ вопросъ объ образованіи народныхъ массъ». А за протекшія съ тѣхъ поръ десятилѣтія какъ трудности положенія, такъ и запросы на необходимый уровень образованія настолько возросли, что выходъ изъ старыхъ школьныхъ рамокъ и созданіе тѣхъ самыхъ научныхъ курсовъ, о которыхъ мы здѣсь толкуемъ, является необходимымъ слѣдствіемъ изъ даннаго общаго тезиса. Гражданъ воспитываетъ прежде всего, конечно, сама общественная жизнь—и этого никто не станетъ отрицать. Но уроки опыта только тогда становятся истинно поучительны и плодотворны, когда сырой ихъ матеріалъ разбирается и перерабатывается наукой. И если находить равное и прямое избирательное право, а также самоуправленіе жизненной необходимостью для нашего отечества, то это налагаетъ особую обязанность, въ интересахъ прочности и совершенства такого строя, неусыпно заботиться о распространеніи и поднятіи образованія какъ среди избирателей, такъ и среди избираемыхъ, ибо отъ этого зависятъ дальнѣйшія судьбы нашего отечества. Къ этому и стремятся народные университеты — и нѣтъ болѣе патріотическаго предпріятія, чѣмъ это.

Въ экономически-соціальной области, аренѣ нашихъ важнѣйшихъ интересовъ и ожесточеннѣйшей борьбы, потребность въ научномъ знаніи даетъ, если это возможно, еще сильнѣе чувствовать себя. Когда объ этихъ вопросахъ заходитъ рѣчь, часто приводятъ слова Шмоллера: «Въ конечномъ итогѣ вся соціальная опасность сводится къ контрастамъ не имущественнаго, а образовательнаго характера».

Это удачно сказано, и тутъ есть много правды; но при одностороннемъ толкованіи слова эти могутъ быть и вредны, такъ какъ они отодвигаютъ на слишкомъ дальній планъ заботу о непосредственныхъ соціально-политическихъ реформахъ. Ибо при тѣсной взаимной зависимости между образованностью и имущественнымъ достаткомъ сама возможность получать образованіе требуетъ, въ большинствѣ случаевъ, прямого улучшенія условій труда и вознагражденія за него; да и гораздо легче и скорѣе можно достичь, при доброй волѣ правящихъ круговъ, такихъ вещей, какъ повышеніе заработной платы, какъ сокращеніе рабочаго дня и болѣе справедливое обложеніе, нежели добиться поднятія цѣлыхъ милліоновъ трудящихся людей на сколько-нибудь высокій образовательный уровень. И главнымъ стимуломъ рабочаго движенія служитъ, безспорно, желаніе улучшить не образовательныя, а эти болѣе матеріальныя условія существованія.

Къ счастью, однако, движеніе это служитъ и прогрессу образованія. Безъ большей матеріальной обезпеченности научные интересы и занятія немыслимы для массы населенія иначе, какъ въ видѣ исключеній, о которыхъ для насъ здѣсь нѣтъ рѣчи. Какъ могутъ, въ самомъ дѣлѣ, рабочіе, измучившись на двѣнадцатичасовой или еще болѣе продолжительной работѣ, садиться вечеромъ за серьезныя занятія? Итакъ, на первомъ планѣ должна все-же оставаться прямая соціальная реформа. Но, съ другой стороны, я столь же настоятельно заявляю: соціальная реформа безъ соотвѣтственнаго повышенія образовательнаго уровня въ широкихъ массахъ не можетъ не оказаться поло-

винчатой и непрочной. Высшею санкціей и надежнѣйшею гарантіей матеріальнаго подъема рабочихъ массъ является ихъ умственное и нравственное обновленіе, ихъ пріобщеніе къ чуждымъ имъ доселѣ духовнымъ интересамъ образованныхъ классовъ. Народные университеты и должны будутъ перекинуть мостъ черезъ эту пропасть.

Итакъ, необходимо дружно и энергично взяться за разрѣшеніе этой высокой культурной задачи, которую намъ ставитъ наше время. Нельзя, конечно, обольщать себя надеждой, чтобы такое гигантское предпріятіе сразу могло увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Но въ постепенной его осуществимости не должно быть сомнѣній. Не должно быть сомнѣнія и въ томъ, что съ матеріальной стороны оно для насъ доступно. При колоссальномъ нашемъ техническомъ и экономическомъ прогрессѣ есть полная возможность доставить трудящемуся люду прежде всего досугъ и обезпеченность, а затѣмъ изыскать и нужныя на высшее народное образованіе денежныя средства. Новое время не только требуетъ участія всего народа въ высшей умственной культурѣ: ему вполнѣ уже по силамъ и дать науку народу — и нѣтъ болѣе плодотворнаго и благороднаго помѣщенія для тѣхъ громадныхъ избытковъ, которыми располагаютъ современныя народныя хозяйства, чѣмъ помѣщеніе ихъ въ подобномъ предпріятіи.

II.

Мы познакомились съ внутреннимъ смысломъ народныхъ университетовъ, съ тѣми потребностями, на которыя они должны служить отвѣтомъ. Теперь мы переходимъ къ слѣдующему вопросу—объ ихъ организаціи. Къ счастью, намъ здѣсь придется вести рѣчь не объ однихъ лишь планахъ, но и о разнообразныхъ дѣйствительно существующихъ учрежденіяхъ, которыя успѣли уже оправдать себя на опытѣ.

Высшія школы для народа отлились въ три главные типа, носящіе прежде всего національный характеръ,—что совершенно естественно, если принять въ разсчетъ, какъ разнятся между собой созданные исторіей воззрѣнія, порядки и учрежденія различныхъ націй. Свое знакомство мы начнемъ съ краткаго описанія двухъ иностранныхъ типовъ, о которыхъ и раньше бывали уже живые толки въ нашей повременной печати.

Датскія высшія школы для народа—первый изъ этихъ типовъ—были основаны еще въ 1844 году епископомъ Грундтвигомъ, наряду съ которымъ скоро сталъ дѣйствовать и землякъ его, Кольдъ, внесшій кое-какія измѣненія въ первоначальную систему. Школы эти посѣщаются почти исключительно сельскимъ населеніемъ—среди ихъ слушателей подавляющее большинство составляютъ мужики и батраки: къ нуждамъ деревни онѣ поэтому и приспособлены. Своей задачей онѣ ставятъ рели-

30557
БИБЛИОТЕКА

гіозно-нравственное воспитаніе, культуру датской національности и профессіональную сельскохозяйственную подготовку. Дѣло здѣсь не ограничивается уроками и лекціями: ученики этихъ школъ занимаются и пѣніемъ, и гимнастикой, и чтеніемъ, и бесѣдами и т. п., причемъ все школьное населеніе мѣсяцами живетъ подъ одной кровлей одною общей жизнью. Обычно въ такую школу поступаютъ на одинъ семестръ: мужчины—на 5 зимнихъ мѣсяцевъ, дѣвушки—на 4 лѣтнихъ. Преобладающій возрастъ слушателей отъ 18 до 25 лѣтъ. Средній размѣръ платы 33 марки въ мѣсяцъ за содержаніе и обученіе. Главными предметами занятій служатъ родной языкъ, отечествовѣдѣніе, исторія, государственныя науки (куда входятъ законовѣдѣніе, политическая экономія, науки объ обществѣ и статистика) и Законъ Божій. Такого рода заведеній въ странѣ съ $2^1/_2$ милліонами населенія насчитывается добрыхъ восемь десятковъ—по круглому счету съ 3500 слушателями зимой и съ 2300 слушательницами лѣтомъ. Однообразія въ нихъ нѣтъ и слѣда въ виду того, что государство, оказывая имъ значительную денежную поддержку, ничѣмъ ихъ все-же не стѣсняетъ: тутъ нѣтъ ни выдачи разрѣшеній, ни утвержденія уставовъ, ни даже правительственной инспекціи. Кромѣ общихъ, въ Даніи есть и спеціальныя школы—садоводства и огородничества, молочнаго хозяйства, домохозяйства и т. п.—и, наряду съ заведеніями болѣе учебнаго, положительнаго характера по Кольдовской системѣ, есть и такія, гдѣ больше мѣста удѣляется умозрительнымъ вопросамъ, по первоначальному плану Грундтвига. Во главѣ этихъ послѣднихъ стоитъ Высшая Школа въ Асковѣ (Ют-

ландія); она разсчитана на особо подготовленныхъ слушателей и формируетъ значительную часть преподавателей высшихъ народныхъ школъ. Большая часть этихъ преподавателей выходитъ изъ учительскихъ семинарій, лишь кое-гдѣ попадаются кандидаты богословія и духовныя лица. Общее число преподавателей въ 77 школахъ, получающихъ правительственное пособіе, равнялось въ 1894 году (включая сюда директоровъ) 525; изъ нихъ было 144 женщины (считая 4 директрисъ).

Въ общемъ датскія высшія школы для народа представляютъ собой оригинальныя и глубоко-самобытныя учрежденія. Онѣ задуманы были и ведутся, конечно, людьми изъ образованнаго общества, но онѣ такъ приспособлены были къ характеру страны и населенія, что народъ призналъ ихъ своими, и его любовное отношеніе къ нимъ сказалось въ ихъ болѣе чѣмъ полувѣковомъ процвѣтаніи и ростѣ. Всѣ иностранные спеціалисты по вопросамъ народнаго образованія съ великой похвалой, нерѣдко даже съ энтузіазмомъ отзываются о духѣ и дѣятельности этихъ свободныхъ заведеній; и если сельское населеніе въ Даніи сумѣло выйти изъ тяжелаго сельскохозяйственнаго и ремесленнаго кризиса своими собственными силами, личной энергіей и организаціей товарищеской взаимопомощи, не требуя себѣ никакой поддержки извнѣ, за счетъ другихъ классовъ, то этотъ его живой общественный смыслъ нельзя не ставить прежде всего въ заслугу датскимъ высшимъ народнымъ школамъ. Духовная самостоятельность родила и экономическую.

Правда, если придирчиво относиться къ дѣлу, то эти заведенія — особенно же школы Кольдовскаго

гіозно-нравственное воспитаніе, культуру датской національности и профессіональную сельскохозяйственную подготовку. Дѣло здѣсь не ограничивается уроками и лекціями: ученики этихъ школъ занимаются и пѣніемъ, и гимнастикой, и чтеніемъ, и бесѣдами и т. п., причемъ все школьное населеніе мѣсяцами живетъ подъ одной кровлей одною общей жизнью. Обычно въ такую школу поступаютъ на одинъ семестръ: мужчины—на 5 зимнихъ мѣсяцевъ, дѣвушки—на 4 лѣтнихъ. Преобладающій возрастъ слушателей отъ 18 до 25 лѣтъ. Средній размѣръ платы 33 марки въ мѣсяцъ за содержаніе и обученіе. Главными предметами занятій служатъ родной языкъ, отечествовѣдѣніе, исторія, государственныя науки (куда входятъ законовѣдѣніе, политическая экономія, науки объ обществѣ и статистика) и Законъ Божій. Такого рода заведеній въ странѣ съ $2^1/_2$ милліонами населенія насчитывается добрыхъ восемь десятковъ—по круглому счету съ 3500 слушателями зимой и съ 2300 слушательницами лѣтомъ. Однообразія въ нихъ нѣтъ и слѣда въ виду того, что государство, оказывая имъ значительную денежную поддержку, ничѣмъ ихъ все-же не стѣсняетъ: тутъ нѣтъ ни выдачи разрѣшеній, ни утвержденія уставовъ, ни даже правительственной инспекціи. Кромѣ общихъ, въ Даніи есть и спеціальныя школы—садоводства и огородничества, молочнаго хозяйства, домохозяйства и т. п.—и, наряду съ заведеніями болѣе учебнаго, положительнаго характера по Кольдовской системѣ, есть и такія, гдѣ больше мѣста удѣляется умозрительнымъ вопросамъ, по первоначальному плану Грундтвига. Во главѣ этихъ послѣднихъ стоитъ Высшая Школа въ Асковѣ (Ют-

ландія); она разсчитана на особо подготовленныхъ слушателей и формируетъ значительную часть преподавателей высшихъ народныхъ школъ. Большая часть этихъ преподавателей выходитъ изъ учительскихъ семинарій, лишь кое-гдѣ попадаются кандидаты богословія и духовныя лица. Общее число преподавателей въ 77 школахъ, получающихъ правительственное пособіе, равнялось въ 1894 году (включая сюда директоровъ) 525; изъ нихъ было 144 женщины (считая 4 директрисъ).

Въ общемъ датскія высшія школы для народа представляютъ собой оригинальныя и глубоко-самобытныя учрежденія. Онѣ задуманы были и ведутся, конечно, людьми изъ образованнаго общества, но онѣ такъ приспособлены были къ характеру страны и населенія, что народъ призналъ ихъ своими, и его любовное отношеніе къ нимъ сказалось въ ихъ болѣе чѣмъ полувѣковомъ процвѣтаніи и ростѣ. Всѣ иностранные спеціалисты по вопросамъ народнаго образованія съ великой похвалой, нерѣдко даже съ энтузіазмомъ отзываются о духѣ и дѣятельности этихъ свободныхъ заведеній; и если сельское населеніе въ Даніи сумѣло выйти изъ тяжелаго сельскохозяйственнаго и ремесленнаго кризиса своими собственными силами, личной энергіей и организаціей товарищеской взаимопомощи, не требуя себѣ никакой поддержки извнѣ, за счетъ другихъ классовъ, то этотъ его живой общественный смыслъ нельзя не ставить прежде всего въ заслугу датскимъ высшимъ народнымъ школамъ. Духовная самостоятельность родила и экономическую.

Правда, если придирчиво относиться къ дѣлу, то эти заведенія — особенно же школы Кольдовскаго

типа, которыхъ большинство,—не вполнѣ подходятъ подъ данное мною опредѣленіе народныхъ университетовъ, хотя какъ-разъ имъ и дано было впервые почетное имя folkehöjskoler (Volkshochschulen). Они представляютъ собою собственно сельскія «дополнительныя школы» съ очень широкой программой. Но надобно быть злымъ педантомъ, чтобы изъ-за этого оспаривать ихъ право на данное имъ имя и закрывать глаза на ихъ высокое значеніе въ національной жизни и въ области соціальныхъ отношеній (надо замѣтить, что они оказываютъ крайне благотворное вліяніе и на отношенія рабочихъ съ работодателями). Въ датскихъ условіяхъ они даютъ народу такую долю высшаго образованія, какую только онъ способенъ воспринять, и всѣмъ другимъ европейскимъ государствамъ — съ Германской имперіей во главѣ—приходится завидовать въ этомъ случаѣ маленькой островной странѣ. До сихъ поръ этотъ типъ пробовали перенести къ себѣ лишь сосѣднія съ Даніей сѣверныя страны—Норвегія, Швеція и Финляндія, — но даже здѣсь онъ развивается далеко не съ такимъ успѣхомъ, какъ у себя на родинѣ.

Совсѣмъ иной, отчасти даже прямо противоположный характеръ носитъ второй типъ высшихъ школъ для народа—школы англійскаго University Extension. Типъ этотъ, созданный профессоромъ Джемсомъ Стюартомъ, много моложе датскаго: University Extension ведетъ свое начало лишь съ 1872 года. Ему чужды всякія практическія стремленія: единственной его задачей является популяризація науки. Предназначаясь въ идеѣ для всѣхъ круговъ населенія, такого рода англійскія предпріятія на дѣлѣ ограничиваются почти исключительно боль-

шими и средняго размѣра городами. И между тѣмъ, какъ въ родственной по крови Даніи высшія школы для народа заводятся совершенно самостоятельно частными лицами или кружками частныхъ лицъ,—въ Англіи, которая вообще такъ децентрализована, организація ихъ крайне централизована. Устройство популярно-научныхъ курсовъ во всей странѣ исходило первоначально изъ одного центра —Кембриджскаго университета. Позже на сцену выступилъ и другой близнецъ — Оксфордскій университетъ, принявшій нѣсколько иную систему; затѣмъ создалось особое Общество для Лондона, которое, однако, заняло подчиненное положеніе относительно старинныхъ университетовъ, и, наконецъ, не такъ давно въ сѣверныхъ графствахъ дѣло взялъ въ свои руки вновь основанный въ Манчестерѣ университетъ. Такимъ образомъ, на всю 32-хъ-милліонную страну теперь оказывается 4 центра. Изъ нихъ исходитъ научное да, въ главныхъ основаніяхъ, и матеріальное руководство всѣмъ предпріятіемъ: они опредѣляютъ программы курсовъ и выбираютъ преподавателей. Ближайшія хлопоты по устройству курсовъ въ различныхъ городахъ берутъ на себя особыя мѣстныя коммиссіи, но—какъ то подтверждается компетентными свидѣтельствами—до сихъ поръ мало гдѣ коммиссіи эти получили прочное корпоративное устройство. Курсы читаются пріѣзжими преподавателями, которые въ своихъ разъѣздахъ по странѣ дѣлаютъ иногда за годъ невѣроятное число миль и выносятъ гигантское напряженіе. Въ преподаватели, вопреки распространенному у насъ мнѣнію, приглашаются вовсе не одни университетскіе профессора и доценты, но также и просто лица, обладающія университетскимъ ди-

пломомъ, разъ они могутъ хорошо говорить публично. Число преподавателей мнѣ удалось точно установить лишь для Кембриджа, гдѣ ихъ 64, и для Оксфорда, гдѣ ихъ 60. Всего же ихъ должно быть не больше 150.

Предметовъ преподается на этихъ курсахъ очень много, по самымъ разнымъ областямъ науки, хотя, конечно, различные ея отдѣлы оказываются здѣсь представлены очень неравномѣрно. Такъ, въ 1890/91 учебномъ году изъ трехъ центровъ — Кембриджа, Оксфорда и Лондона вмѣстѣ — было организовано: 191 курсъ по естественнымъ наукамъ, 104 по литературѣ и по искусству и 59 по исторіи и политической экономіи, откуда явствуетъ, что въ Англіи преобладающій интересъ оказывается на сторонѣ положительныхъ знаній, а не въ сферѣ художественнаго творчества. Довольно удивительнымъ представляется, что на родинѣ Бэкона, Локка, Стюарта Милля и Спенсера философскія дисциплины, включая сюда педагогику и философію религіи, занимаютъ среди популярныхъ курсовъ такъ мало мѣста. Впрочемъ, количество курсовъ само по себѣ еще не является здѣсь вполнѣ надежнымъ показателемъ, такъ какъ ихъ продолжительность бываетъ различна. Наряду съ первоначальными «длинными» курсами въ 10—12 часовыхъ лекцій теперь широко распространились, съ легкой руки Оксфорда, и «короткіе» курсы—въ 6 лекцій. Но больше всего въ Англіи поражаетъ несоотвѣтствіе между общимъ числомъ курсовъ и количествомъ центровъ, по которымъ они читаются. Такъ, въ 1893/94 году по 283 мѣстамъ, стоявшимъ подъ руководствомъ Кембриджа и Оксфорда, было прочитано всего 355 курсовъ (почти наполовину «короткихъ»), такъ что на

каждую аудиторію въ среднемъ пришлось лишь 1—2 курса: цифра, которая показываетъ, какъ слабо еще развито участіе различныхъ городовъ въ University Extension.

Зато англійскіе университеты съ образцовымъ рвеніемъ заботятся о томъ, чтобы увеличить пользу, извлекаемую слушателями изъ курсовъ. Syllabus, т.-е. подробный конспектъ курса съ указаніемъ литературы предмета, является въ Англіи обязательною вещью; а для желающихъ къ курсамъ— особенно къ «длиннымъ» — присоединяются еще «классъ», т.-е. устное обсужденіе прослушаннаго на лекціи, письменныя работы и, наконецъ, экзамены, дающіе право на полученіе дипломовъ. Далѣе, ежегодно лѣтомъ многія сотни слушателей, получившихъ такіе дипломы, съѣзжаются въ Оксфордъ и Кембриджъ, чтобы отъ двухъ до четырехъ недѣль слушать тамъ лекціи и работать на практическихъ занятіяхъ. Наконецъ (особенно въ Сѣверной Америкѣ), заведено еще преподаваніе по перепискѣ, стоящее иногда отдѣльно отъ курсовъ, иногда же въ связи съ ними, а также организована разсылка книгъ и цѣлыхъ маленькихъ библіотекъ. Съ нашей нѣмецкой точки зрѣнія это англійское устройство въ цѣломъ представляется черезчуръ сложнымъ и тяжеловѣснымъ, но въ частностяхъ тутъ многое приходится признать очень цѣлесообразнымъ.

Внѣшніе результаты, достигнутые въ Англіи,— весьма значительны. Общее число курсовъ въ ней которое въ 1887/88 году равнялось 260 съ 30,000 слушателей, поднялось къ 1893/94 приблизительно до 700 съ 57,000 слушателей. Въ послѣднія цифры входятъ, однако, еще курсы, основанные совѣтами

графствъ; курсы эти носятъ практическій характеръ и содержатся главнымъ образомъ на доходы отъ государственнаго питейнаго налога, дающаго на эти цѣли около 15 милліоновъ марокъ ежегодно. Надобно только замѣтить, что, къ сожалѣнію, тутъ наблюдаются очень большія колебанія. Подобно тому, какъ въ началѣ 80-хъ годовъ въ дѣлѣ распространенія университетскаго образованія былъ большой отливъ, такъ точно и съ 1891/92 по 1893/94 годъ въ Кембриджской и Оксфордской университетской сѣти число учебныхъ центровъ упало съ 375 до 273, число курсовъ—съ 575 до 273 и число слушателей—съ 47,000 до 34,000 (въ круглыхъ цифрахъ); напротивъ, въ Лондонѣ за это время дѣло во всѣхъ отношеніяхъ пошло впередъ. Такія рѣзкія колебанія почти на всемъ пространствѣ дѣятельности University Extension, не вызываемыя притомъ никакими внѣшними обстоятельствами, свидѣтельствуютъ, безспорно, о внутренней слабости англійской организаціи. Что касается ссылки на конкурренцію со стороны помянутыхъ нами Совѣтскихъ курсовъ, доступныхъ за ничтожную плату или совсѣмъ даромъ, то она здѣсь ничего не объясняетъ, такъ какъ и эти курсы одновременно пошли на сильную убыль. Скорѣе надо смотрѣть на дѣло такъ, что въ этомъ сказывается коренной организаціонный недостатокъ University Extension—слабая связь между учрежденіемъ и его слушателями или другими лицами, которыя интересуются имъ у себя на мѣстѣ. Такъ склонны толковать помянутые факты *) и сами англо-американскіе

*) Въ 1899/1900 учебномъ году изъ трехъ центровъ—Кембриджа, Оксфорда и Лондона вмѣстѣ—было организовано 504 курса, посѣщавшихся всего 32,184 слушателями. Пора-

спеціалисты, которые вообще грудью стоятъ за англійскую систему (смотри, между прочимъ, Dr. J. Russells Volks-Hochschulen, bearbeitet von O.W. Beyer, S. 49, 53 f). А, между тѣмъ, лишнее, кажется, распространяться, какой здѣсь заключается урокъ для насъ и для всѣхъ странъ, желающихъ создать у себя народные университеты.

Въ тѣсной связи съ чрезмѣрной централизаціей стоятъ и крайне высокіе расходы University Extension, гдѣ масса денегъ уходитъ на одни преподавательскіе разъѣзды. 12-часовой курсъ обходится Кембриджу и Оксфорду въ 1200—1400 марокъ (по Russell), а въ Сѣверной Америкѣ, при громадности проѣздовъ, такой курсъ стоитъ еще дороже (тогда какъ въ Берлинѣ Гумбольдтовская Академія обходится 122 марками). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что даже при дѣятельномъ посѣщеніи курсовъ плата за слушаніе лекцій, съ прибавкой значительныхъ пожертвованій со стороны частныхъ лицъ и мѣстныхъ союзовъ, все-же не можетъ окупать предпріятія. Кембриджскій и Оксфордскій университеты должны приплачивать крупныя суммы отъ себя—что, къ счастью, ихъ средства вполнѣ имъ позволяютъ. Но слышатся уже жалобы, что, наконецъ, и этого не хватитъ, и выставляются требованія, чтобы государство ассигновало крупную субсидію.

зительно мало было слушателей на Кембриджскихъ курсахъ. Въ районѣ Ливерпуля было организовано 60 курсовъ; число слушателей не указано. [Этотъ отливъ слушателей смѣнился затѣмъ новымъ приливомъ. Такъ, въ 1902/3 г. Кембриджскіе курсы посѣщались опять столь же охотно, какъ въ наиболѣе блестящіе изъ предшествовавшихъ годовъ: на нихъ въ 1902/3 было 12,626 слушателей. *Прим. перев.*].

Что касается плодовъ, приносимыхъ дѣятельностью University Extension, то отзывы своихъ и иностранныхъ наблюдателей тоже звучатъ по большей части очень благопріятно, хотя успѣхи тутъ и не оказываются такъ ясны и осязательны, какъ въ Даніи. Помимо духовной пользы для самихъ университетовъ, много десятковъ тысячъ людей всякаго званія, раньше не имѣвшихъ понятія о наукѣ, получили теперь возможность заимствовать изъ ея сокровищъ кое-что и на свою долю: у многихъ десятковъ тысячъ теперь яснѣе сталъ взглядъ на міръ, и жизнь наполнилась болѣе свѣтлымъ и глубокимъ содержаніемъ. А этого съ избыткомъ достаточно, чтобы, несмотря на кое-какіе промахи въ организаціи University Extension, признать за основателями и сотрудниками такого дѣла полное право на горячую благодарность со стороны современниковъ и потомства. Самый складъ учрежденія въ Англіи, точно такъ же, какъ и въ Даніи, носитъ глубоко-самобытный характеръ. Тутъ надобно считаться съ тѣмъ, что въ Англіи университетовъ очень мало, но что они зато колоссально богаты; далѣе, съ тѣмъ, что Англія поразительно бѣдна средне-учебными заведеніями и потому обладаетъ ничтожнымъ количествомъ интеллектуальныхъ центровъ; наконецъ, кое-что надо тутъ отнести и на счетъ англійскаго почитанія дипломовъ и «степеней». Къ жизни же вызвано было все предпріятіе тѣмъ мощнымъ демократическимъ теченіемъ, которое во многихъ случаяхъ позже дало о себѣ знать въ Англіи, чѣмъ на континентѣ, но, запоздавъ, проявило себя потомъ съ особой силой. Національнымъ характеромъ University Extension объясняется и то, почему предпріятіе это, вопреки хору похвалъ,

которыми оно повсюду было встрѣчено, пустило прочные корни лишь въ странахъ англійской рѣчи; да и здѣсь примѣръ коренной Англіи нашелъ не скоро подражаніе, и подражаніе это не смогло воспроизвести оригиналъ во всей его чистотѣ и силѣ. На европейскомъ континентѣ попытки пересадить къ себѣ англійскую систему стали производиться лишь съ начала 90-ыхъ годовъ XIX в. и съ очень неравнымъ успѣхомъ. Удачнѣе всего дѣло пошло въ Австріи *).

---

*) Съ 1898 года во Франціи, съ Парижемъ во главѣ, тоже началось движеніе въ пользу распространенія высшаго образованія въ народѣ и за два года успѣло сдѣлать значительные успѣхи. При основаніи Общества Coopération des idées, задавшагося самыми широкими планами реформъ, рѣшено было начать съ подражанія англійскому University Extension, и теперь во Франціи считается уже до двухъ десятковъ народныхъ университетовъ. Но ни по сообщеніямъ Дегерма, бывшаго первымъ руководителемъ дѣла въ Парижѣ, ни по другимъ матеріаламъ нельзя составить себѣ должнаго понятія объ этихъ новыхъ учрежденіяхъ, и трудно выяснить, насколько они отступили отъ англійскаго образца. Во всякомъ случаѣ, о четвертомъ, французскомъ, типѣ высшихъ школъ для народа при новости и невыработанности этого дѣла во Франціи, гдѣ нѣкоторые изъ народныхъ университетовъ носятъ чисто партійно-политическій характеръ, пока не можетъ еще быть рѣчи.

[Строки эти были писаны авторомъ въ 1901 году; но и до сихъ поръ французскіе народные университеты не выработались еще въ опредѣленный типъ. *Прим. перев.*].

III.

Когда, не такъ давно, общественное вниманіе въ Германіи привлечено было, наконецъ, къ вопросу о народныхъ университетахъ, то, не справляясь съ исторіей и забывая о патріотизмѣ, мы сразу стали горячими поклонниками всѣхъ заграничныхъ учрежденій такого рода; о собственныхъ же нѣмецкихъ и слушать не хотѣли: все это, де, плохіе сколки съ того же англійскаго образца. Иные изъ весьма вліятельныхъ газетъ и журналовъ при этомъ доходили до того, что съ горькимъ недоумѣніемъ ставили вопросъ, какъ это великая Германія въ столь великомъ дѣлѣ могла отстать отъ какой-нибудь Россіи или Южной Африки? Упрекъ этотъ, однако, можно бросить обратно въ лицо тѣмъ борзописцамъ, которые постановляютъ подобные приговоры, не глядя совершенно на то, что развивается и растетъ у всѣхъ передъ глазами. Нѣтъ, если за нами и есть большіе грѣхи, то все-же отечество наше и до сихъ поръ никому еще не дало перегнать себя въ сферѣ науки и народнаго образованія. Въ немъ бьетъ ключемъ свободная образовательная дѣятельность, душой которой является, со времени объединенія Германіи, Союзъ народнаго образованія, и оно вовсе не чуралось такъ долго мысли о необходимости сдѣлать науку общественнымъ достояніемъ. Германія вступила на путь созданія народныхъ университетовъ немногими годами позже Англіи, т.-е. гораздо раньше другихъ культурныхъ странъ,

и повела при этомъ дѣло вполнѣ самостоятельно и успѣшно. Въ опроверженіе fable convenue, — повторяемой по ошибкѣ даже очень почтенными писателями, — якобы первый нѣмецкій народный университетъ — Гумбольдтовская Академія въ Берлинѣ — создался подъ вліяніемъ и по образцу англійскаго University Extension, я разъяснилъ подробно въ брошюрѣ, пріуроченной къ Берлинской промышленной выставкѣ 1896 года, полную внѣшнюю и внутреннюю самостоятельность этого учрежденія, которое основано было въ 1878 году Центральнымъ Научнымъ Союзомъ, подъ предсѣдательствомъ Генриха Риккерта, по плану автора этихъ строкъ. Къ этой брошюрѣ я и отсылаю тѣхъ, кто хотѣлъ бы ближе познакомиться съ основными задачами, съ организаціей и съ результатами дѣятельности Гумбольдтовской Академіи и другихъ родственныхъ нѣмецкихъ учрежденій *). Въ рамкахъ же даннаго труда я долженъ ограничиться краткой характеристикой — какъ раньше это было сдѣлано для Даніи и для Англіи.

Третій типъ народныхъ университетовъ — нѣмецкій. Первой и самой яркой представительницей его служитъ Гумбольдтовская Академія въ Берлинѣ. На ней я и сосредоточу свое изложеніе, но только ради необходимой краткости, такъ какъ я вовсе не склоненъ свысока относиться къ другимъ нѣмецкимъ предпріятіямъ того же типа: имъ тоже есть чѣмъ похвалиться. Въ виду близкаго сход-

*) Wissenschaftlicher Centralverein und Humboldt-Akademie. Skizze ihrer Thätigkeit und Entwicklung 1878—1896. Ein Beitrag zur Volkshochschulfrage. Im Auftrage des Vorstandes von Dr. Max Hirsch. Berlin 1896.

ства въ характерѣ западно-европейской и средне-европейской культуры, въ частности же въ виду близкаго сходства экономическаго строя Германіи и Англіи, — и между народными университетами обѣихъ странъ оказывается, естественно, немало общаго или, по крайней мѣрѣ, схожаго, особенно въ постановкѣ задачъ преподаванія и въ его пріемахъ. И наша Академія обращается преимущественно къ городскому населенію: условія сельскаго быта, къ сожалѣнію, и у насъ пока не позволяютъ еще мечтать о высшемъ образованіи въ деревнѣ. И наша Академія вполнѣ чужда какой-нибудь партійной тенденціи. Это не значитъ, чтобы учредители ея не обладали опредѣленными моральными, національными и общественными идеалами. Но они были убѣждены, что науку непозволительно дѣлать слугой какого бы то ни было направленія, какъ бы возвышенно оно ни представлялось, и что, напротивъ, именно объективная, свободная отъ всякой предвзятости наука и служитъ больше всего дѣлу общественнаго прогресса. Въ программахъ нашей Академіи идеализмъ и планомѣрная универсальность, такъ свойственныя нѣмецкому національному духу, выражены еще сильнѣе, чѣмъ въ Англіи. Согласно этому, у насъ почти не принято читать короткихъ курсовъ и философскимъ дисциплинамъ отведено почетное мѣсто. Вообще ни одна иностранная программа не можетъ сравняться съ нашей по числу курсовъ, по ихъ разнообразію и по систематической ихъ полнотѣ. Тогда какъ четырехмилліонный Лондонъ организовалъ у себя въ 1899/1900 году 162 курса, а Вѣна—57, въ Берлинѣ прочтено было въ 6 аудиторіяхъ 218 курсовъ, почти все «длинныхъ». И по отзывамъ

спеціалистовъ, знакомыхъ съ англійскими и съ нѣмецкими курсами, въ среднемъ перевѣсъ научности былъ тоже на нашей сторонѣ.

Съ другой стороны, Англіи необходимо отдать ту справедливость, что въ ней строже поставлено руководство занятіями слушателей; недаромъ тамъ и настоящіе университеты не признаютъ за своими питомцами нашей полной академической свободы. Syllabus (печатный конспектъ курса) у насъ бываетъ, обыкновенно, гораздо короче, письменныя работы и репетиціи ведутся лишь по предметамъ узко-учебнаго характера, экзамены и дипломы встрѣчаются лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній. Въ вопросѣ о собесѣдованіяхъ со слушателями и репетиціяхъ (которыя первоначально предполагалось завести и въ Гумбольдтовской Академіи) я совершенно схожусь съ компетентнымъ авторомъ статьи о народныхъ университетахъ, появившейся въ „Nation“, и признаю великую ихъ пользу для надлежащаго усвоенія лекцій. Но такъ какъ мы въ своемъ дѣлѣ не знаемъ никакихъ стѣсненій, то намъ никто и не мѣшаетъ вернуться къ прежнему намѣренію и ввести у себя эти педагогическіе пріемы. Особенную важность мы придаемъ тому, чтобы преподаваніе носило у насъ не догматическій, а эволюціонно критическій характеръ: опытомъ дознано, что и для популяризаціи науки это — самый надежный методъ. Въ заботѣ о наглядности преподаванія мы не уступаемъ англичанамъ; напротивъ, судя по англійскимъ же источникамъ, Англія, какъ-будто склонна больше цѣнить настольныя библіотечки, чѣмъ опыты, демонстраціи и экскурсіи. Правда, особеннымъ богатствомъ пособій Гумбольдтовская Академія и сейчасъ не можетъ

похвалиться. Но, благодаря крупнымъ пожертвованіямъ со стороны состоятельныхъ ея друзей, дѣло и съ этой стороны замѣтно идетъ впередъ.

Успѣхъ учебнаго учрежденія опредѣляется вообще по двумъ главнымъ критеріямъ: по числу слушателей и по усердію, съ какимъ они относятся къ занятіямъ. Въ послѣднемъ отношеніи, по отзывамъ всѣхъ близко стоящихъ къ дѣлу лицъ, слушатели Гумбольдтовской Академіи не оставляютъ ничего желать. Что же касается числа посѣщеній, то тщательныя статистическія данныя за 20 лѣтъ свидѣтельствуютъ о поразительно правильномъ его ростѣ. Неуклонно прибавляясь изъ года въ годъ, количество посѣтителей курсовъ, устраиваемыхъ Академіей, поднялось съ 536 въ 1881/82 г. до 9,594 въ 1900/01. И если народные университеты должны считать своей задачей открытіе широкаго доступа къ наукѣ членамъ всѣхъ классовъ общества безъ различія пола, то Гумбольдтовская Академія можетъ доказать, что она успѣшно справилась съ своей задачей. Ея аудиторіи посѣщались и торгово-промышленнымъ міромъ — въ лицѣ хозяевъ, служащихъ и рабочихъ,—и чиновниками, и учителями, и лицами другихъ либеральныхъ профессій и, наконецъ, людьми, живущими безъ личнаго заработка,—причемъ всѣ эти категоріи были представлены и женщинами, поскольку онѣ вообще въ нихъ входятъ. Впрочемъ, различныя категоріи были представлены очень неравномѣрно, и относительно слабѣе всего было участіе рабочихъ въ узкомъ смылѣ слова, особенно до 1897 года.

Это послѣднее обстоятельство и подаетъ главнѣйшій поводъ къ постояннымъ нападкамъ на Берлинскую Академію и всю ея систему. Она, де,

служитъ лишь для среднихъ классовъ общества, а многочисленнѣйшему и важнѣйшему классу народа въ нее доступа нѣтъ, и потому, какъ бы она ни была хорошо поставлена, но признавать ее народнымъ университетомъ невозможно. Однако, если внимательнѣе присмотрѣться къ дѣлу, то это утвержденіе оказывается ошибочнымъ и ложнымъ. Путь въ Гумбольдтовскую Академію никогда не загражданся для рабочихъ и другихъ мало обезпеченныхъ людей какими бы то ни было формальными или матеріальными препятствіями. Напротивъ, академическій уставъ требовалъ съ самаго начала, чтобы при помощи пониженія и безъ того невысокой платы (5 марокъ за трехмѣсячный курсъ) или даже полнаго освобожденія отъ нея доступъ въ Академію оставался открытымъ для малосостоятельныхъ и совершенно несостоятельныхъ людей — и это постановленіе не осталось мертвой буквой. Почти три четверти слушателей Гумбольдтовской Академіи вносятъ или пониженную плату (не болѣе 3 марокъ), или совсѣмъ освобождаются отъ платы, тогда какъ University Extension, признаваемая за народный университетъ, взимаетъ съ своихъ слушателей вдвое и вчетверо больше. Соотвѣтственно съ этимъ добрая половина нашихъ слушателей и состоитъ изъ лицъ, которыя всецѣло или почти всецѣло сами себѣ зарабатываютъ хлѣбъ: изъ народныхъ учителей и учительницъ, изъ низшихъ чиновниковъ, конторскихъ служащихъ и приказчиковъ, изъ ремесленниковъ и изъ рабочихъ. Всѣхъ этихъ тружениковъ нельзя же не причислять къ народу, если не становиться на невозможно узкую точку зрѣнія. Да такъ это и дѣлается въ статьяхъ и книгахъ объ University Extension. Ну, а для Гум-

больдтовской Академіи народъ долженъ сводиться почему-то лишь къ категоріи лицъ, живущихъ исключительно ручнымъ трудомъ.

Если рабочіе, въ тѣсномъ смыслѣ слова, до сихъ поръ слабо посѣщаютъ лекціи (что наблюдается не только у насъ, но и въ Англіи, и въ Америкѣ и т. д.), то виноватъ въ этомъ оказывается цѣлый рядъ причинъ, которыхъ скоро не устранишь, и не устранишь однѣми силами народныхъ университетовъ. Важнѣйшими изъ нихъ я считаю, во-первыхъ, чрезмѣрную продолжительность рабочаго дня, а затѣмъ недостаточность подготовки, выносимой изъ нашихъ начальныхъ и дополнительныхъ школъ, гдѣ не развивается въ ученикахъ ни умѣнья, ни охоты самостоятельно заниматься дальше. Конечно, бываютъ исключенія. Благодаря счастливымъ природнымъ дарованіямъ и внѣшнимъ благотворнымъ вліяніямъ — чаще всего со стороны товарищескихъ кружковъ и союзовъ, — иные изъ рабочихъ все-же успѣваютъ отлично освоиться съ наукой и съ увлеченіемъ ей отдаются. Такіе люди давно ужъ стали посѣщать и народные университеты у насъ и за границей — и университеты эти должны особенно дорожить подобными гостями, должны какъ можно шире открывать передъ ними двери. Но такъ на это и смотрѣли постоянно лица, стоявшія во главѣ Гумбольдтовской Академіи. Довольно указать здѣсь хотя бы на то, что въ самый годъ ея основанія тѣмъ же кружкомъ были заведены, въ цѣляхъ подготовки, еще научно-популярные курсы по политической экономіи и по риторикѣ для рабочихъ, входящихъ въ составъ нѣмецкихъ рабочихъ товариществъ. Затѣмъ, позднѣе, въ 1897 г., Совѣтъ Центральнаго Научнаго Союза, замѣтивъ у рабочихъ

оживленіе умственныхъ запросовъ, открылъ въ рабочемъ кварталѣ Кёнигштадтъ четвертую академическую аудиторію, причемъ имъ были приняты всѣ мѣры, чтобы сдѣлать ее какъ можно доступнѣе трудящемуся люду: была сокращена продолжительность курсовъ, лекціи были перенесены на болѣе поздніе часы и плата сведена до 50 пфенниговъ за 6-часовой курсъ. И, вопреки не очень благопріятному стеченію обстоятельствъ, попытка эта увѣнчалась успѣхомъ: работопринимателей въ новой аудиторіи стало гораздо больше и 20 процентовъ слушателей составляютъ одни фабрично заводскіе наемные рабочіе. Это мнѣ кажется достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ, что Гумбольдтовская Академія нисколько не является закрытой для рабочихъ — ни по своей тенденціи, ни по своей организаціи *).

И вмѣстѣ съ этимъ мы переходимъ къ послѣдней характерной сторонѣ нашихъ народныхъ университетовъ — къ организаціи ихъ въ широкомъ

---

*) Въ Берлинѣ и его предмѣстьяхъ мѣстныя условія за рядъ послѣднихъ лѣтъ, повидимому, складываются особо неблагопріятно для успѣха въ рабочей средѣ спеціально-образовательныхъ учрежденій. Правда, нерѣдко утверждаютъ, что масса берлинскихъ рабочихъ не хочетъ знать Гумбольдтовской Академіи и другихъ подобныхъ предпріятій изъ-за своей принадлежности къ соціалъ-демократіи. Но главная сила здѣсь не въ этомъ, какъ ясно свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что основанная въ 1891 году соціалистами съ Либкнехтомъ во главѣ „Arbeiter-Bildungsschule Berlin“ въ 1897/98 году организовала всего 6 курсовъ съ 526 записавшимися слушателями, а въ 1900/01—11 курсовъ съ 989 слушателями (дѣйствительно ходило на лекціи въ среднемъ 361 чел. въ 1897/98 г. и 647 въ 1900/01): капля въ морѣ соціалистически настроенныхъ рабочихъ.

смыслѣ слова. Въ организаціи и состоитъ важнѣйшее отличіе германскаго типа отъ англійскаго. Наши высшія школы для народа не оказываются, какъ въ Англіи, простымъ придаткомъ университетовъ: у насъ каждая подобная школа представляетъ собою самостоятельный организмъ, рождаемый свободнымъ союзомъ поборниковъ науки. Такой союзъ, куда вступаютъ, съ небольшимъ взносомъ, мужчины и женщины самыхъ различныхъ классовъ и направленій—какъ индивидуально, такъ и коллективно въ видѣ кружковъ и обществъ — и служитъ организаторомъ и руководителемъ соотвѣтствующей школы, созидающейся, такимъ образомъ, на товарищеской основѣ. Если же принять въ разсчетъ, что школа обычно составляетъ главнѣйшую или даже единственную заботу подобнаго союза, что его члены въ подавляющемъ большинствѣ являются или преподавателями, или слушателями школы и что преподавательская корпорація имѣетъ вѣскій голосъ во всѣхъ его дѣлахъ, то школу и союзъ приходится признать лишь двумя органами одного и того же живого существа. Подобное устройство не только гарантируетъ германскимъ высшимъ школамъ для народа полную автономность, но и обезпечиваетъ въ то же время въ каждомъ округѣ крѣпкую связь съ мѣстнымъ населеніемъ,—а это, какъ мы видѣли на примѣрѣ Даніи, является существеннѣйшимъ залогомъ прочности и процвѣтанія подобныхъ предпріятій. И, наконецъ, эта простая, строгодемократическая организація имѣетъ то достоинство, что она очень успѣшно предохраняетъ школу отъ духа всякой исключительности — будь то въ научной или въ религіозной, въ политической или въ соціальной сферѣ,—а духъ этотъ нельзя не счи-

тать пагубой для развитія народныхъ университетовъ и величайшею помѣхой для привлеченія въ нихъ рабочаго сословія.

Описанная организація подверглась долгой пробѣ и въ Гумбольдтовской Академіи, и въ другихъ родственныхъ по типу учрежденіяхъ и оправдала себя вполнѣ. Такъ какъ участіе въ союзѣ, особенно въ его правленіи, сопряжено съ затратой труда и денегъ, само же не приноситъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ, то уже по одному этому дѣятельности союза обычно бываютъ чужды какіе бы то ни было мотивы, кромѣ истиннаго интереса къ наукѣ и ея распространенію въ народѣ. Фактически во главѣ Гумбольдтовской Академіи стояли искони представители науки бокъ-о-бокъ съ практическими дѣятелями изъ разныхъ сферъ, въ особенности съ людьми, работавшими въ профессіональныхъ, мѣстныхъ или иныхъ ассоціаціяхъ,—и это сочетаніе практиковъ съ теоретиками оказалось очень удачно: благодаря этому, руководство дѣлами Академіи всегда носило умѣлый и энергичный характеръ.

Подобное устройство правленія, такое разнообразіе его состава и такая независимость его членовъ въ высокой степени способствуютъ ему и въ разрѣшеніи существеннѣйшей изъ его задачъ—въ подборѣ подходящаго преподавательскаго персонала. Уставъ Гумбольдтовской Академіи требуетъ, чтобы въ коллегію ея преподавателей допускались лишь лица, обладающія серьезною научною подготовкой и даромъ слова; и такъ какъ правленіе не разъ отказывалось отъ услугъ людей, снабженныхъ университетскими дипломами, то отсюда видно, что это требованіе устава не остается мертвою буквой. Почти всѣ преподаватели Академіи (ихъ числится

въ настоящее время 61 человѣкъ)—люди съ высшимъ образованіемъ. Въ своихъ рядахъ они считаютъ профессоровъ, доцентовъ и ассистентовъ высшихъ учебныхъ заведеній (въ числѣ основателей и первыхъ преподавателей Академіи были профессора Штейнталь и фонъ-Шель, директоръ Императорскаго Статистическаго Комитета, до самой смерти остававшійся членомъ ея правленія), далѣе, старшихъ учителей гимназій и другихъ средне-учебныхъ заведеній, лицъ, служащихъ въ государственной администраціи, и дѣятелей мѣстнаго самоуправленія, судей и адвокатовъ, врачей, писателей и независимыхъ ученыхъ. Насколько же счастливо оказывается правленіе въ своемъ выборѣ,—объ этомъ можно судить уже по непрерывному приливу слушателей, которымъ совершенно не зачѣмъ было бы посѣщать лекціи, если бы онѣ ихъ дѣйствительно не интересовали. Недаромъ также званіе «преподаватель Гумбольдтовской Академіи» считается почетнымъ во всей Германіи и недаромъ столько преподавателей успѣло перейти изъ Академіи на каѳедры высшихъ правительственныхъ учебныхъ заведеній. Что касается университетскихъ профессоровъ и доцентовъ, то правленіе — какъ само собою разумѣется — стремится всячески привлекать ихъ къ дѣлу и широко распахиваетъ передъ ними двери своихъ аудиторій. Но, съ другой стороны, 23-хъ-лѣтній опытъ показалъ, что и помимо профессорскаго персонала находятся высоко-талантливые преподаватели, которые становятся любимцами слушателей и прочно овладѣваютъ ихъ интересомъ.

Впрочемъ, вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ преподаваніе въ народныхъ университетахъ должно

быть открыто для лицъ, не принадлежащихъ къ профессорскимъ корпораціямъ высшихъ правительственныхъ учебныхъ заведеній, нисколько не стоитъ въ прямой связи съ германскимъ принципомъ организаціи подобныхъ школъ. Напротивъ, именно та свобода самоопредѣленія, которая является существеннѣйшею чертой нашей организаціи, вполнѣ намъ позволяетъ рѣшать его въ разныхъ мѣстахъ по-разному, въ зависимости отъ данныхъ обстоятельствъ. На дѣлѣ въ тѣхъ университетскихъ городахъ, гдѣ профессора и доценты охотно предлагаютъ свои услуги для общедоступныхъ курсовъ или даже сами становятся въ ихъ главѣ, преподавательскій персоналъ вольныхъ высшихъ школъ и комплектуется преимущественно, иногда даже исключительно, изъ ихъ среды. Это мы видимъ, напримѣръ, въ Кёнигсбергѣ, въ Бреславлѣ, въ Лейпцигѣ, въ Іенѣ и въ Мюнхенѣ. Дѣло во всѣхъ этихъ городахъ идетъ вполнѣ успѣшно, кое-гдѣ даже блестяще, хотя при молодости его здѣсь будетъ еще благоразумнѣе воздержаться отъ окончательнаго приговора. По бывшимъ у меня въ рукахъ отчетамъ зимою 1899/1900 г. въ Кёнигсбергѣ было прочтено 6 курсовъ съ 485 слушателями, въ Бреславлѣ (гдѣ курсы были открыты въ 1897 г. старинным Гумбольдтовскимъ Союзомъ народнаго образованія) — 25 курсовъ съ 2,386 слушателями, въ Мюнхенѣ, гдѣ лекціи начались тоже въ 1897 г. по иниціативѣ новаго Общества народныхъ университетовъ, было прочтено въ зимнемъ семестрѣ 1900/1901 акад. года 13 курсовъ съ 1,984 слушателями, въ Іенѣ — 6 курсовъ съ 917 слушателями *).

*) Къ 1903/4 г. число слушателей въ Кёнигсбергѣ возросло до 2,072, а въ Мюнхенѣ—до 4,556. *Прим. перев.*

Во всякомъ случаѣ съ организаціонной стороны всѣ эти предпріятія относятся къ германскому типу, а не къ англійскому, такъ какъ ведутъ ихъ не правительственные университеты, какъ таковые, а вольные союзы. Единственная попытка перенести въ Германію подлинный англійскій типъ University Extension была предпринята въ Берлинѣ въ 1876 году; но она кончилась ничѣмъ въ виду того, что Университетскій Совѣтъ отнесся къ дѣлу отрицательно. Что касается «Популярныхъ Курсовъ преподавателей высшихъ берлинскихъ учебныхъ заведеній», которые открылись въ 1898 г. и посѣщаются очень охотно, то ими руководитъ частный кружокъ. Напротивъ, въ Австріи съ осени 1895 г. взятъ былъ за образецъ англійскій типъ (послѣ того, какъ Вѣнское Общество народнаго образованія по недостатку матеріальныхъ средствъ принуждено было отказаться отъ своихъ довольно серьезныхъ начинаній въ этой области), и дѣло пока идетъ тамъ съ выдающимся успѣхомъ; въ 1900/1901 академическомъ году въ Вѣнѣ читалось 86 курсовъ и число слушателей достигало 10,131 чел. *).

*) Въ 1905/6 г. курсы, читавшіеся въ самой Вѣнѣ, посѣщались 11,339 слушателями; курсы, читавшіеся внѣ Вѣны.— 6,058 слуш. За 10 лѣтъ, съ 1895/6 до 1904/5, на курсахъ въ Вѣнѣ и внѣ Вѣны перебывало 113,648 слуш. *Прим. перев.*

IV.

Разъ для насъ выяснилась теперь вся важность, больше того—вся необходимость народныхъ университетовъ, особенно для нашего отечества, и разъ мы убѣдились, какъ успѣшно оправдываетъ себя на дѣлѣ германскій типъ подобныхъ учрежденій, то выводъ отсюда можетъ быть одинъ: мы должны всѣми силами ратовать за распространеніе этой новой школы и всячески расширять сферу ея благотворнаго вліянія въ народной жизни; ибо—какъ и другія страны—сейчасъ мы сдѣлали по этому пути лишь первые, начальные шаги. Мѣрамъ для ускоренія нашего прогресса и будутъ мною посвящены послѣднія, заключительныя слова.

Обширно еще въ нашемъ отечествѣ то поле, которое должны занять народные университеты,—если даже оставить въ сторонѣ пока недоступную для нихъ деревню. Сейчасъ такими учрежденіями обладаютъ всего 15 городовъ. А между тѣмъ Образовательный Союзъ, органъ Общества для распространенія народнаго образованія, вполнѣ справедливо указываетъ, по этому поводу, что въ Германіи насчитывается не менѣе 934 городовъ и мѣстечекъ, гдѣ есть средне-учебныя заведенія — и часто не одно — и гдѣ, такимъ образомъ, вполнѣ возможно организовать курсы для народа съ помощью мѣстныхъ педагогическихъ силъ, не говоря уже про получившихъ университетское образованіе юристовъ, медиковъ, богослововъ или писателей, многіе изъ

которыхъ тоже вполнѣ могутъ принять участіе въ чтеніи лекцій. Нигдѣ на свѣтѣ, можетъ-быть, не разсѣяно по всей странѣ столько дѣльныхъ и часто выдающихся умственныхъ силъ, какъ у насъ, въ Германіи: ихъ надо только мобилизовать и организовать. Да и съ этой стороны многое уже подготовлено нашими безчисленными кружками, товариществами и союзами для всевозможныхъ цѣлей. Особенную роль при этомъ играютъ просвѣтительныя Общества различныхъ видовъ и наименованій. Изъ нихъ идутъ на дѣло высшей школы для народа не только ихъ руководители и учащіе, но частью и учащіеся; въ нихъ получаютъ нерѣдко эти работники и нужную для дѣла подготовку — здѣсь по всѣмъ признакамъ и кроется та сила, которая способна изъ глубинъ жизни поднять высоко къ небу народные университеты.

Съ практической стороны дѣло это вовсе не такъ сложно, какъ до сихъ поръ нерѣдко думаютъ: надо только не гнаться сразу за полнымъ совершенствомъ и — если нѣтъ особо благопріятныхъ обстоятельствъ — довольствоваться самымъ скромнымъ началомъ. Переходъ отъ отдѣльныхъ чтеній, которыя постоянно устраиваются всѣми такими Обществами, къ нѣсколькимъ, для начала къ очень немногимъ, связнымъ курсамъ не представляетъ особенно сложной задачи: тутъ нѣтъ скачка, это — просто естественный шагъ дальше, и сдѣлать этотъ шагъ, имѣя передъ глазами столько указаній и примѣровъ, преподавателю совсѣмъ немудрено; а между тѣмъ какъ въ самомъ лекторѣ, такъ и въ его аудиторіи это всегда вызываетъ чувство особаго удовлетворенія. Заботы о внѣшнемъ устройствѣ принимаетъ на себя само основывающее курсы Общество или, въ

большихъ городахъ, гдѣ бываетъ по нѣскольку Обществъ просвѣтительнаго характера, ихъ союзъ, выбирающій смѣшанную коммиссію. Надо замѣтить тутъ еще, что многія изъ этихъ Обществъ такимъ путемъ могутъ сослужить большую службу не только дѣлу, но и себѣ самимъ. Немало ихъ сейчасъ лишь прозябаетъ; поставивъ же себѣ такую новую задачу, они и сами исполнятся новою бодрою жизнью.

Тамъ же, гдѣ старые мѣхи оказываются совсѣмъ негодными, чтобы принять въ себя молодое вино, тамъ надо безъ долгихъ колебаній кликать кличъ: «охотники, впередъ!» Пусть кто-нибудь одинъ, кто чувствуетъ въ себѣ воодушевленіе, или какой-нибудь пріятельскій кружокъ возьметъ все дѣло въ свои руки—начнетъ кампанію въ прессѣ, отыщетъ сочувствующихъ лицъ, организуетъ комитетъ и, наконецъ, учредитъ Общество народнаго университета. На первыхъ порахъ пусть дѣло не идетъ дальше отдѣльныхъ курсовъ: мало-по-малу они разовьются и дадутъ соотвѣтственное правильное учрежденіе. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ завелись такія школы (изъ не-университетскихъ городовъ я отмѣчаю Потсдамъ), онѣ дѣйствительно возникали гдѣ первымъ, а гдѣ вторымъ изъ указанныхъ путей.

Большимъ подспорьемъ служитъ тутъ поддержка со стороны ранѣе возникшихъ учрежденій, которыя охотно дѣлятся съ начинающими и опытомъ, и учебными пособіями. Такъ, Центральный Научный Союзъ въ Берлинѣ, основавшій и ведущій Гумбольдтовскую Академію, уже при самомъ своемъ возникновеніи осенью 1878 г. включилъ въ кругъ своихъ задачъ пропаганду народныхъ университетовъ по всей имперіи, и когда собственная его школа прочно стала на ноги, онъ и отдалъ на эту

пропаганду немало силъ. Онъ разсылаетъ безплатно для ознакомленія свои уставы, программы и брошюры; онъ отвѣчаетъ на всякіе письменные запросы; въ случаѣ надобности ему случается и командировать на мѣсто опытныхъ людей для устныхъ объясненій и агитаціи въ пользу дѣла. Изданіе особаго руководства по устройству общедоступныхъ курсовъ и организаціи народныхъ университетовъ имѣется въ виду.

Съ своей стороны правленіе обширнаго Общества для распространенія народнаго образованія, которое дважды уже на общихъ своихъ собраніяхъ подробно и сочувственно занималось нашей темой, тоже готово всѣми силами поддерживать всякія благія начинанія въ этой сферѣ. А такъ какъ Общество это — по любезному сообщенію его генеральнаго секретаря І. Тевса—насчитываетъ сейчасъ не менѣе 2,550 корпоративныхъ членовъ (по большей части образовательныхъ союзовъ изъ всѣхъ уголковъ имперіи), то можно по этому судить, какую цѣнность представляетъ подобная поддержка! Въ частности содѣйствіе его можетъ быть особенно полезно при устройствѣ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ, которыя имѣютъ, какъ извѣстно, большую притягательную силу. Конечно, изъ однихъ подобныхъ чтеній не вырастетъ еще народный университетъ, но для начала дѣла ихъ можно очень рекомендовать.

Итакъ, въ сочувствіи, въ поддержкѣ и въ руководствѣ не будетъ недостатка у тѣхъ, кто посвятитъ себя благому дѣлу народныхъ университетовъ. И пусть тотъ духъ товарищеской солидарности въ стремленіи къ идеальнымъ цѣлямъ, которому страна наша обязана уже столькими великими твори-

ніями, еще разъ развернется во всю ширь по всѣмъ большимъ и среднимъ и даже малымъ городамъ. Наградой же за трудъ и постоянство послужитъ недостижимый никакъ иначе полный расцвѣтъ культуры нашего народа во всѣхъ его слояхъ.

Основныя идеи этого очерка и вытекающія оттуда практическія слѣдствія можно свести къ такого рода тезисамъ:

I. Народные университеты ставятъ своей цѣлью открыть всѣмъ взрослымъ людямъ доступъ къ научному познанію физическаго и психическаго міра путемъ организаціи связныхъ курсовъ по всѣмъ главнѣйшимъ отраслямъ науки. То повышеніе и уравненіе степени образованности въ различныхъ слояхъ народа, которое отсюда воспослѣдуетъ, необходимо окажетъ самое благотворное вліяніе и на ходъ нравственнаго, экономически-соціальнаго и политическаго развитія нашего отечества.

II. Въ отличіе отъ начальныхъ и дополнительныхъ школъ народные университеты по самой внутренней сущности своей являются свободными учрежденіями, вырастающими изъ самой народной жизни. Согласно этому, имъ нестерпима какая бы то ни было шаблонность: ихъ форма должна всегда приспособляться къ особенностямъ національнаго и мѣстнаго быта.

III. За руководящія начала, особенно въ нѣмецкихъ школахъ, надо признать такого рода положенія, являющіяся послѣдовательнымъ выводомъ изъ общаго принципа свободы и всеобщности образованія:

1. Возможная универсальность преподаванія: жгучихъ вопросовъ современности изъ области религіи,

политики и соціальнаго устройства никакъ не надо обходить; напротивъ, ихъ объективное, научное освѣщеніе представляетъ одну изъ существеннѣйшихъ задачъ новой школы.

2. Полный отказъ отъ догматически-авторитарнаго способа преподаванія; только критическая метода съ стремленіемъ къ возможной наглядности и съ поощреніемъ самодѣятельности слушателей можетъ вести къ конечной цѣли — къ развитію независимости въ мышленіи и поступкахъ.

3. Полная академическая свобода для преподавателей и для слушателей; полное равенство для мужчинъ и женщинъ; знанія и педагогическій талантъ, какъ единственный критерій при выборѣ преподавателей; широкая терпимость по всѣмъ направленіямъ мысли; возможно низкая плата за слушаніе лекцій.

4. Въ организаціи — независимость отъ государства, церкви и другихъ общественныхъ учрежденій; органическое самоуправленіе съ участіемъ всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ круговъ общества.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ.

Перечень важнѣйшихъ работъ по народнымъ университетамъ, вышедшихъ въ свѣтъ до 1899 г., приведенъ въ извѣстномъ изданіи

Encyclopädisches Handbuch der Pädagogik, herausgegeben von W. Rein, VII B., S. 455.

Изъ позднѣйшихъ сочиненій и повременныхъ изданій слѣдуетъ отмѣтить:

Zentralblatt für Volksbildungswesen. Organ für das Gebiet der Hochschulkurse, des volkstüml. Vortragswesens, des Volksbibliothekswesens, der volkstüml. Kunstpflege und verwandte Bestrebungen. Leipzig-Wien (Выходитъ съ 1900 г.).

Erster deutscher Volkshochschultag. Wien, 1905.

Halévy, D., Essai sur le mouvement ouvrier en France. Paris, 1901.

Статьи и отчеты, въ Cahiers de la quinzaine. Paris, 1902 ss.

Переводчикъ.